

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

* * *

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские предстательствуют горы,
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.

С висячей лестницы пророков и царей
Спускается орган, Святого Духа крепость,
Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.

Вот неподвижная земля, и вместе с ней
Я христианства пью холодный горный воздух,
Крутое «Верую» и псалмопевца роздых,
Ключи и рубища апостольских церквей.

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укреплённом,
И христианских гор в пространстве изумлённом,
Как Палестины песнь, нисходит благодать.

Виктор БОГДАНОВ

КУПОЛ

Дрожащее эхо во храме пустом
всегда его душу смущало, потом
он как-то привык, помолившись безмолвно,
вбирать в неё звуков божественных волны,
которыми купол небес отвечал
тому, о чём смертный пред смертным молчал;
и было ему одиноко и больно,
и пусто, и густо, и жутко, и вольно,
и было светло... – человек полюбил
свою немоту пуще божеских сил
и трепетных знаков ночей откровенья,
и думал уже, что обрящит спасенье
и скучного счастья немереный век,
но тут его помысел кто-то пресек:
стал купол беззвездный враждебен и нем,
и адская бездна разверзлася в нем,
и кто-то его в эту бездну толкал,
и он закричал, а потом зашептал...;
но скоро устал и кричать, и шептать,
и всё это вновь воротилося вспять,
чтоб он без конца сей закон повторял
и где-то свихнулся, споткнулся, упал,
а купол бы бережно поднял его
и принял в себя — навсегда своего.